

Психологическое исследование аудио- и видеоматериалов, получаемых в ходе оперативно-розыскных мероприятий: организационные и методические аспекты

 Т.Н. Секераж

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются типичные экспертные ситуации, возникающие при психологическом судебно-экспертном исследовании видеоматериалов оперативно-розыскных мероприятий. Показано, что для разрешения возникающих вопросов требуются специальные знания, прежде всего в области судебной психологической и судебной лингвистической экспертизы. Эффективность решения экспертных задач при исследовании видеоматериалов оперативно-розыскных мероприятий по различным категориям выявляемых правонарушений зависит от ряда факторов организационного и методического характера. Разбираются типичные экспертные ошибки, связанные с неверным пониманием объекта исследования, определением экспертных задач и выбором методов, а также ограничения в использовании экспертами материалов дела.

Ключевые слова: *судебная психологическая экспертиза, комплексная судебная экспертиза, видеозаписи оперативно-розыскных мероприятий, коррупционные преступления, компетенция эксперта, экспертные ошибки*

Для цитирования: Секераж Т.Н. Психологическое исследование аудио- и видеоматериалов, получаемых в ходе оперативно-розыскных мероприятий: организационные и методические аспекты // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 2. С. 105–115.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-2-105-115>

Psychological Analysis of Audio and Video Materials Obtained during Police Operations: Organizational and Methodical Aspects

 Tat'yana N. Sekerazh

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. The article addresses typical expert situations arising in the psychological analysis of video materials from police operations. The author demonstrates that to solve the emerging issues, an expert needs specialized knowledge, especially in forensic psychology and linguistics. Furthermore, the efficiency of solving expert tasks in examining video materials of police operations for various categories of detected offenses depends on some organizational and methodological factors. The author also reviews typical expert errors associated with an incorrect recognition of the object of research, the outline of expert tasks, the choice of methods, and the limitations in the use of case materials by experts.

Keywords: *forensic psychology, forensic linguistics, comprehensive forensic analysis, footage of police operations, corruption offences, expert competence, expert errors*

For citation: Sekerazh T.N. Psychological Analysis of Audio and Video Materials Obtained during Police Operations: Organizational and Methodical Aspects. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 2. P. 105–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-105-115>

Введение

Оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД) осуществляют уполномоченные органы для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также с целью добывания информации о событиях или действиях, создающих угрозу безопасности Российской Федерации. Исчерпывающий актуальный перечень соответствующих мероприятий содержится в ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 30.12.2020) (далее – ФЗ об ОРД). Для фиксации данных мероприятий применяют различные средства, например видео-, аудиозапись, кино- и фотосъемку. Зафиксированные надлежащим образом результаты ОРД могут иметь правовое значение и использоваться при уголовно-правовом доказывании. Материалы аудио- и видеофиксации таких оперативно-розыскных мероприятий, как оперативный эксперимент, оперативная закупка, оперативное внедрение, контролируемая поставка, оперативный осмотр, оперативное наблюдение, анализируют и исследуют различными методами, в том числе, используя специальные психологические и лингвистические знания.

Подготовка экспертов в системе государственных судебно-экспертных учреждений (далее – СЭУ) Минюста России по экспертной специальности 20.2 «Психологическое исследование информационных материалов» включает приобретение компетенций для установления особенностей исследуемых объектов (вещественных доказательств и иных документов), имеющих значение для принятия решения по делу. При этом в последующей деятельности эксперты сталкиваются с определенными трудностями организационного и методического характера.

В продолжение исследования по выявлению наиболее типичных судебно-экспертных ситуаций, возникающих при исследовании видеоматериалов, получаемых в ходе оперативно-розыскных мероприятий [1], а также по анализу организационных и методических аспектов таких исследований и типичных экспертных ошибок, целью данной работы было обобщение экспертной практики. Эмпирической основой послужили заключения эксперта по исследованиям видеозаписей оперативно-розыскных мероприятий, которые были включены в до-

казательственную базу по делам о преступлениях коррупционной направленности. Заключения были выполнены судебными экспертами СЭУ Минюста России и иных судебно-экспертных организаций.

Исследование оперативных видеоматериалов по делам о коррупционных преступлениях

Юридическое значение психологической экспертизы аудио- и видеоматериалов по делам о преступлениях коррупционной направленности, таким как дача или получение взятки, посредничество во взяточничестве, коммерческий подкуп (ст. 204, 290, 291, 291.1, 291.2, 304 УК РФ), вымогательство (ст. 163 УК РФ) и др., заключается в том, что она помогает выявлять доказательственную информацию об объективной и субъективной сторонах состава преступления, поскольку такие материалы фиксируют как само событие (например, факт получения взятки и физические действия его участников), так и иные формы поведения коммуникантов – речевое и коммуникативное, в которых могут быть выражены их намерения и умысел. Этим обусловлены экспертные задачи, решаемые в ходе судебно-психологической экспертизы по рассматриваемой категории дел, которые можно разделить на два типа. Первый тип задач связан с установлением информации о предмете речи (идет ли речь в разговоре о передаче денег либо иного вознаграждения, кто кому должен передать деньги, за какие услуги и т. п.). Второй тип задач связан с установлением особенностей сознания – осмысленностью действий фигурантов, пониманием ими того, что они совершают противоправные действия.

Задачи первого типа относятся к установлению следующих фактологических данных:

- целостного смыслового содержания речи, диалога (их «нормализация»¹) [2];
- предметного содержания речи (таким могут быть, например, денежные средства, имущество, ценные бумаги), а также сообщенной о предмете речи информации (о совершаемых с этим предметом действиях и их обстоятельствах, о предназначении этого предмета и др.);

¹ Экспликация содержания (синонимическое перифразирование, смысловая нормализация) – это методика исследования содержательной стороны значимых единиц языка, состоящая в замене одного слова (словосочетания, предложения) синонимичными [2, с. 42].

– коммуникативных (речевых) характеристик разговора, характера волеизъявления его участников (требования, приказания, желания)².

Указанные задачи являются типовыми для лингвистического исследования [2, 4]. Вместе с тем их решения недостаточно для выявления всех имеющих значение для дела обстоятельств, поскольку наряду с темой и предметом имеющего доказательственное значение разговора, важно установить провоцирующий характер коммуникации со стороны кого-либо из участников. Это связано с тем, что использование различных оперативных средств для противодействия коррупции ограничено нормой закона, согласно которой субъекту, склонному к совершению преступления, может быть предоставлена возможность реализации своего преступного умысла, однако этот субъект не должен быть побужден к преступлению участниками оперативных мероприятий, т. е. его незаконные действия не должны быть спровоцированы. Так, согласно ст. 5 ФЗ об ОРД, провоцирующие действия сотрудников правоохранительных органов состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица, когда оно (это согласие или предложение) было получено в результате его склонения к этому при обстоятельствах, свидетельствующих, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов преступный умысел не возник бы, и преступление не было бы совершено.

Кроме того, в соответствии с примечанием к ст. 291 УК РФ, лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении него имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица. Под вымогательством в законе понимается требование передачи чужого имущества или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, а также под угрозой распространения сведений, порочащих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких

² Волеизъявление (в лингвистической экспертизе) – выражение желания говорящего каузировать действие при наличии его непосредственного исполнителя либо слушающего, способного довести до сведения третьего лица желание говорящего и тем самым каузировать его действия в целях изменения ситуации [3, с. 13].

(ч. 1 ст. 163 УК РФ). Что такое «требование», закон не поясняет, вследствие чего этот термин носители языка должны понимать в общеупотребительном значении, включающем разные формы побуждения человека к определенным действиям. Сравним: *требовать* – добиваться, просить в категорической форме; *обязывать* к чему-л., *вынуждать* на что-л., *требование* – настоятельная просьба, желание, выраженные в категорической форме; *правило*, *условие*, *обязательное* для выполнения [5]. В коммуникации побуждения могут выражаться различными способами, в том числе неязыковыми. Стратегия побуждения включает разнообразный репертуар коммуникативных ходов, направленных на формирование у адресата конкретного (выгодного субъекту воздействия) представления о ситуации и его положении в ней, о способах разрешения проблемы и готовности к выбору определенного способа (более подробно о механизмах провоцирования [6, 7]).

При необходимости установления экспертным путем имела ли коммуникация со стороны кого-либо из ее участников провокативный характер, наиболее целесообразно назначать не лингвистическую, а комплексную психолого-лингвистическую экспертизу [6]. Комплексное применение специальных знаний из различных видов судебной экспертизы, использование как лингвистических, так и психологических методов исследования, в том числе интенционального³ [8, 9] и дискурсивного анализа [10, 11], позволяет решить ряд задач, имеющих значение для дела, и ответить на следующие вопросы.

1. Следует ли из содержания разговора, что данная встреча для участников разговора не первая? Выражено ли в речи участников разговора, кто был инициатором первой встречи?

2. Следует ли из содержания разговора, что между участниками разговора существовала предварительная договоренность о чем-либо? Если да, то о чем именно была эта договоренность, кто являлся ее инициатором?

3. Имеются ли в речи участников разговора побуждения к каким-либо действиям?

³ Баранов А.Н., Грунченко О.М., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Классификация коммуникативных интенций, выявленных в ходе лингвистических и психолого-лингвистических исследований текстов (отчет по первому этапу НИР) / Под ред. А.Н. Баранова. М.: Ин-т русского языка РАН, 2013.

Если да, то к каким именно действиям и с чьей стороны исходят побуждения?

4. Имеются ли в речи участников разговора побуждения к передаче денежных средств? Если да, то имеется ли в разговорах информация о предназначении этих денежных средств?

5. Каких договоренностей в рамках представленных на исследование разговоров достигают их участники? Кто выступает инициатором этих договоренностей?

6. Какова коммуникативная направленность речи каждого участника разговора?

7. Носит ли коммуникация со стороны кого-либо из ее участников провокативный характер? Если да, то на что направлена его коммуникация?

8. Содержатся ли в разговорах психологические и лингвистические признаки побуждения к совершению определенных действий (предложению, согласию, получению или передаче вознаграждения [взятки])?

Установление коммуникативной направленности речи и поведения каждого участника коммуникации важно для правовой оценки как их действий, так и события в целом. Анализ экспертной практики показал, что во всех проведенных лингвистических экспертизах решались первые пять вопросов (в разном объеме и сочетании). Вместе с тем ответы на эти вопросы представляются во многом промежуточными в случаях, когда необходима всесторонняя оценка коммуникации и поведения в ней всех участников разговора (серии разговоров), и для следствия важно получить ответы на вопросы о провокативном характере коммуникации и побуждении на получение или дачу вознаграждения.

В следующих примерах комплексные психолого-лингвистические исследования позволили прийти к выводам и установить обстоятельства дел, которые не могли быть установлены только лингвистическими методами.

1. По делу о коммерческом подкупе о подтасовке результатов конкурса в отношении предпринимателя П. (М1), который был осуществлен в результате провокации в его отношении со стороны супругов В. (Ж1 и М2), совместно эксперты лингвисты и психологи пришли к следующей оценке коммуникации. «Анализ общения между коммуникантами показал, что их коммуникативные роли характеризуются равенством. При этом обсуждение темы денег иницирует-

ся Ж1 и М2, они проявляют в развитии этой темы большую активность и инициативу, реализуют больше коммуникативных интенций побудить собеседника к передаче им денег. М1 ведет себя более непринужденно, заинтересованности ни в передаче, ни в получении денег не проявляет. М3 (помощник М1) при встрече с Ж1 и М2 проявляет признаки эмоционального напряжения (которые отразились в его голосе, речи и невербальных особенностях поведения, а также в нерешительности и обращении за консультацией к М1 по телефону), находится под давлением ситуации и М2. Последний топик М3, побуждает к принятию выгодного для М2 решения, убеждает. Таким образом, анализ особенностей коммуникации, в том числе коммуникативных ролей участников коммуникации, особенностей звучащей речи всех коммуникантов показал, что Ж1 и М2 проявляют установку на получение денег от М1 (через представляющего его интересы М3) до конкурса. Указанные особенности коммуникации в совокупности с информацией, что М2 и Ж1 были осведомлены о ведущейся аудиозаписи разговоров и видеозаписи последней встречи, свидетельствуют, что установка М2 и Ж1 на получение денег имела признаки провокативной коммуникации».

2. По делу о вымогательстве, в котором обвинялся работник муниципального органа С. (М1) у заинтересованного в решении его вопроса лица П. (Ж1), в результате были установлены данные о коммуникативной ситуации, которые позволили правоохранительным органам установить не факт вымогательства, а факт провокации взятки. «Анализ общения между коммуникантами показал, что, выполняя коммуникативную роль просителя, Ж1 находится в более доминантной позиции, ведет себя более активно, напористо, ее коммуникативная и содержательная активность существенно выше, чем М1, она производит основные коммуникативно и содержательно независимые реплики в рамках диалогических единств (реплики, не зависящие содержательно от реплик собеседника), ее коммуникативные стратегии направлены на то, чтобы М1 согласился взять деньги (она содержательно [убеждением] и эмоционально реагирует на его отказ, нежелание брать деньги), настаивает, побуждает его согласиться, проявляет недовольство его поведением (*Ну-у и отдавай их кому хочешь, ну-ну ты че меня начинаешь в угол ставить?*)

и сообщает о своем негативном состоянии, провоцируя у собеседника чувство неловкости, сочувствия, вины (*Я уже... терплю... знаешь, сколько? <...> Стыдно сказать <...> ну мне тут торчать, я с утра тут торчу...*). Таким образом, анализ особенностей коммуникации, в том числе коммуникативных ролей участников коммуникации, особенностей звучащей речи коммуникантов показал, что Ж1 проявляет поведенческую установку на передачу денег М1 при несогласии того получить эти деньги. В совокупности с информацией о том, что Ж1 была осведомлена о ведущейся аудиозаписи разговора, ее установка на передачу денег М1 имела признаки провокативной коммуникации (имела место коммуникативная и содержательная активность по вопросу денег и их передачи, недовольство поведением собеседника, настойчивость, направленность коммуникации на получение согласия принять от нее деньги)».

3. По делу в отношении Б. комплексное исследование позволило выявить следующее. «В представленном на исследование разговоре между Б. и А. речь идет о передаче Б. и получении А. через третьих лиц денежных средств в размере части от суммы договора с целью ускорения А. согласования акта выполненных работ по договору Х. (*вопрос решался лингвистом*). В разговоре между Б. и А. имеется совокупность лингвистических и психологических признаков побуждения со стороны А. к действию Б., а именно к предложению со стороны последнего передать А. деньги в размере части от суммы договора с целью ускорения им согласования актов выполненных работ по договору, выраженное во всем ходе разговора и конкретно в высказывании А. «*Так предложите свой вариант!*», выраженном в форме предложения. То есть коммуникация со стороны А. носит провокативный характер. Признаки побуждения к получению денежных средств со стороны кого-либо из коммуникантов в разговоре отсутствуют. В речи А. выражена манипулятивная коммуникативная стратегия с целью побуждения Б. к предложению передать ему деньги в размере части от суммы договора с целью ускорения А. согласования акта выполненных работ по договору, которая реализуется с помощью различных коммуникативных и речевых тактик и способов психологического воздействия (*вопросы решались совместно лингвистом и психологом*). В разговоре между Б. и А. оказано психологиче-

ское воздействие на Б. в виде манипуляции и провоцирования с целью понуждения его к предложению передать А. деньги в размере части от суммы договора с целью ускорения А. согласования акта выполненных работ по договору (проявление повышенной коммуникативной и содержательной активности по вопросу денег и их передачи, нежелание соглашаться с вариантами разрешения ситуации, предлагаемыми и избираемыми Б., инициирование у него состояния безвыходности (фрустрации), направленность коммуникации на принятие Б. решения, связанного с передачей денег за согласование принятия работ). Действия Б. по принятию решения о передаче денег А. в сложившейся коммуникативной ситуации являлись вынужденными, детерминированными коммуникативными действиями А. на фоне высокой мотивации разрешения проблемы (*вопрос решался психологом*)» [12].

Экспертные ошибки

Анализ заключений эксперта позволил выявить следующие типичные ошибки, которые в ряде случаев допускают эксперты.

1. Решение вопросов, выходящих за пределы специальных знаний эксперта.

Вопросы, имеющие отношение к модели сознания и предполагающие установление содержания сознания участников разговора, не могут быть решены в рамках исследования аудио- и видеозаписей. При этом некоторые частные эксперты систематически решают вопрос: Выявляются ли лингвистические и/или психологические признаки понимания коммуникантами, что они совершают незаконные действия? Данная формулировка методологически ошибочна, поскольку не существует каких-либо диагностических признаков (лингвистических и психологических), которые бы могли быть критериями такого понимания. В основу вопроса ошибочно положено учение о признаках, не применимое в данном случае. К тому же, такое исследование обычно основано только на домысливании экспертом того, что на самом деле думают участники общения, поскольку в их речи незаконность действий никак не проговаривается. Одновременно эксперты ссылаются на показания этих лиц, данных ими в ходе расследования, допуская дополнительную методологическую ошибку.

Другим выходом за пределы специальных знаний психолога является его участие в исследовании по вопросу о признаках

маскировки. К примеру, по делу Б. эксперты пришли к такому выводу. «В речевом поведении А. имеются лингвистические и психологические признаки иносказания, маскировки (сокрытия) содержательных элементов его высказываний. В контексте данного разговора в качестве маскируемых элементов выступает проблема Б. и способ ее решения путем передачи денежных средств А. (“вопрос”, “ваша ситуация”, “решение вопроса”, “абстрагироваться юридически”, “по сути”, “банковская гарантия”, “вариант”, “этот вариант”, “свой вариант”, “рабочий вариант для вашей ситуации”, “условие обеспечения контракта”, “наши условия” и др.». Из данного вывода следует, что решение вопроса полностью находится в компетенции лингвиста. При этом эксперт не должен забывать о феноменах устного общения, когда недоговаривание, элиминация предмета речи привычны для устной речи, когда участники разговора пропускают известные им слова и фрагментируют информацию, однако коммуникативной неудачи не происходит, поскольку все участники владеют общей темой.

Еще один вариант выхода за пределы компетенции экспертов связан с решением вопроса о противоправности воздействия. Установление, является ли психологическое воздействие противоправным, в компетенцию эксперта-психолога не входит. Следует ограничиваться установлением видов и способов воздействия, в том числе угрозы, оскорбления, но не в их правовом толковании.

2. Необоснованное использование материалов дела.

Одной из самых распространенных экспертных ошибок является опора эксперта на материалы дела, в том числе на установочную часть постановления о назначении экспертизы.

Показания фигурантов по делу и иные материалы нельзя брать за основу при производстве экспертизы звучащей речи, поскольку в данном случае аудио- или видеоматериал является самостоятельным доказательством фактов (либо их отсутствия). Предметное изучение материалов дела и соотнесение их содержания с исследуемыми разговорами в компетенцию экспертов не входит. Установление относимости установленных экспертами фактических данных к обстоятельствам, их оценка в совокупности с другими доказательствами – это работа следователя. Эксперт же обязан уста-

новить, что выражено в речи участников и в самой коммуникации. Опора на показания фигурантов по делу в части их намерений (в том числе противоправных), на осмысление ситуации и тому подобное, – недопустимы. В компетенцию эксперта может входить установление того, понимал ли участник диалога смысл обращенной к нему речи. Установить же, понимал ли человек то, что не было выражено в его речи, с помощью опосредованного наблюдения при исследовании только аудио- и видеозаписей невозможно.

Проводить психологический анализ материалов дела при исследовании аудио- и видеозаписей коммуникации нельзя⁴, поскольку это приведет к тенденциозному анализу коммуникации и речи ее участников, тогда «смысл» разговора интерпретируется, исходя «из контекста материалов дела», что необоснованно. В итоге заключение эксперта потеряет свою независимость, поскольку его выводы зависят от имеющихся в деле доказательств, еще не получивших окончательной правовой оценки, и не будут основаны на результатах исследования доказательств. Такая зависимость заключения эксперта от других доказательств может привести к его недопустимости в случае обоснованного исключения из перечня тех доказательств, что были положены в его основу.

Например, по делу в отношении «взяточника» Б. (М1) эксперты в заключении неоднократно опирались на материалы дела. Так, они необоснованно исходили из имеющихся в деле заявления и опроса «взяточполучателя» А. (М2) в интерпретации его действий и коммуникативных намерений. Они пришли к выводу, что коммуникативное намерение М2 заключалось в аудиофиксации предложения денег со стороны М1, а намерение М1 – в предложении взятки М2. Тем самым эксперты использовали как достоверное доказательство то обстоятельство, что М1 уже шел в кабинет М2 с целью

⁴ Ошибочно полагать, что психологический анализ материалов дела является неотъемлемым методом исследования при проведении любого вида судебной психологической экспертизы. Анализ материалов дела – это обязательный этап судебной психологической экспертизы, проводимой в отношении живых лиц, с целью установления их юридически значимых способностей или состояний, а также заочной (посмертной) экспертизы. Он имеет свои методологические основы и принципы и направлен на получение сведений об индивидуально-психологических особенностях подэкспертного, его состоянии в юридически значимый период и юридически-значимых способностях (см., например [13]).

предложить тому взятку, что представляет собой экспертную ошибку. Кроме того, эксперты ссылались и на иную информацию, также полученную из материалов дела, – о том, что М1 использовал «письменные приемы коммуникации». Материалы дела при данном виде исследования не могут быть источниками информации для эксперта о содержании коммуникации, поскольку именно для установления этих фактических данных (содержания и направленности коммуникации) назначается экспертиза.

Из материалов уголовного дела к предмету экспертизы (а только с такими экспертами вправе знакомиться и запрашивать на основании ч. 3 ст. 57 УПК РФ) относятся следующие данные:

- об условиях производства аудио- и видеозаписей (условиях разговора коммуникантов: прямом/непрямом взаимодействии; общении при личной встрече, по телефону и др.; об обстановке записи – времени и месте встречи);
- об идентификации говорящих по голосу и речи;
- о личности и социальном статусе говорящих;
- дословное содержание разговоров.

Установленные следствием обстоятельства о совершенных действиях фигурантов по делу являются для экспертов ориентирующими (для определения возможных коммуникативных блоков), но не могут служить объектом анализа, не могут учитываться в экспертных оценках и при формулировании выводов. Оценка установленных экспертами фактов в совокупности с иными доказательствами по делу входит в исключительную компетенцию правоприменителя.

Экспертные версии при интерпретации речи участников коммуникации должны вырабатываться в соответствии с отношением правдоподобия [14]. Принятие за основу только одной из версий события (версии стороны обвинения или версии защиты) может привести к экспертной, а впоследствии и судебной.

Участники коммуникации могут иметь отличные друг от друга представления о ситуации, предмете речи, целях коммуникации. Использование скрытой коммуникации, «маскировка» или элиминация предмета речи позволяет «provocatorу» как вводить «жертву» в заблуждение, так и поддерживать у нее неверное представление о существе разговора. При таких условиях в ходе общения видимых (наблюдаемых) комму-

никативно неудач не происходит, в то время как основу коммуникации составляет конфликт между представлениями и интересами его участников. Так, по делу журналиста Р. скрытая коммуникация позволила подкрепить у него собственные представления о целях встречи и предмете речи, не соответствующие представлениям другой стороны. Экспертные ошибки, в том числе, позволили квалифицировать действия Р. как вымогательство, что не получило подтверждения в суде, и деяния были оценены иначе (как покушение на самоуправство)⁵.

3. Уклонение от проведения исследования, неполнота исследования, неверное понимание предмета.

Нередки случаи необоснованного уклонения эксперта от проведения исследования по ряду вопросов. К примеру, по делу Б. при проведении первичной экспертизы психолог ограничил свои экспертные задачи только «установлением признаков и видов психологического воздействия участников межличностного взаимодействия друг на друга». При этом была упущена такая важная составляющая воздействия, как его направленность, поскольку без установления направленности воздействия используемые приемы и способы не имеют существенного значения. Установление направленности воздействия – первоочередная и основная задача, которую решает психолог, в том числе с использованием результатов лингвистического исследования (выявленных лингвистом предметов речи, речевых целей, речевых стратегий и тактик). Кроме того, были проигнорированы теоретические обоснования по проблеме воздействия в межличностной коммуникации, главное из которых заключается в том, что психологическое воздействие всегда осуществляется в процессе взаимодействия (взаимного действия партнеров по общению). Объект воздействия включен в это взаимодействие, и без оценки его коммуникативной позиции и активности невозможно оценить это взаимодействие в полной мере. Поэтому существенное упущение эксперта состояло в том, что коммуникация была исследована односторонне, без учета взаимного влияния партнеров по общению друг на друга, без учета их социальных ролей и позиций, зависимого положения Б.

⁵ С экспертным случаем можно ознакомиться на портале проекта «Диссернет» в разделе «Судебная экспертиза». <http://rosvuz.dissernet.org/expertise>

При постановке вопроса наличия либо отсутствия провокации «с точки зрения ее лингвистической квалификации» исследование не может быть полным без учета психологических особенностей коммуникации, поскольку провокативная коммуникация (особенно при аудиозаписи разговора «коммуникантом-провокатором») обычно не проявляется в речи прямо, открыто. По тем же причинам по вопросам о наличии в речи участников побуждений в целях полного и всестороннего исследования необходимо участие эксперта-психолога. Побуждение может проявляться в коммуникации не только прямо, с помощью грамматической формы, но и опосредованно – через последовательную реализацию соответствующих речевых тактик и невербального поведения, что, как показали результаты повторной экспертизы, и сделал А.

4. Выбор экспертом неверных методов исследования.

Методы исследования и приемы анализа должны соотноситься с экспертными задачами. Нередко эксперты (чаще лингвисты) упускают коммуникативный анализ и анализ коммуникативной активности участников разговора, а также анализ средств звучания (прежде всего интонационный анализ). При этом всегда необходимо исследовать особенности коммуникативной ситуации. Ее важными компонентами, без учета которых выводы экспертов могут стать ошибочным, являются коммуникативные роли участников разговора, а также факт производства негласной записи.

Ряд экспертов, работающих в вузах и негосударственных СЭУ, регулярно используют «метод тематического картирования устного текста представленных высказываний», который относится к экспериментальным и неприменим в лингвистической экспертизе [15, 16]. Критически следует относиться и к такому описанию последовательности «комплексного анализа»: 1) предтекстовый этап: осуществляется установление и первоначальное ознакомление с представленным содержанием разговоров, членение текста на фрагменты и первичный анализ этих фрагментов; 2) текстовый этап: определение основных тем разговоров, воспроизведение контекстов отдельных слов и высказываний, формулирование предметов основных тем разговоров; 3) послетекстовый этап: осуществление анализа представленных материалов, выявление

особенностей взаимодействия участников разговора, а также предикатов, позволяющих решить поставленные экспертные задачи. Помимо некорректных формулировок (формулирование предметов основных тем разговоров, выявление предикатов, позволяющих решить поставленные экспертные задачи), некорректным является использование терминов лингводидактики для обозначения этапов исследования, когда все этапы исследования связаны непосредственно с работой с текстом.

В соответствии с характером типовых задач лингвистическое исследование должно проводиться в соответствии с утвержденными научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России методиками семантических исследований в судебной лингвистической экспертизе [2, 17], с использованием словарного метода, методов синонимического перефразирования, семантической декомпозиции, методов контекстологического (контекстуального) анализа, предметно-тематического и целевого анализа. Психологическое же исследование проводят с использованием психологического анализа коммуникации, анализа звучащей речи (анализа проявлений эмоционального состояния, интенционального анализа высказываний), мотивационно-целевого анализа коммуникативной деятельности, феноменологического анализа способов, приемов и направленности психологического воздействия [6, 8, 9, 18–22].

Выше перечислены основные экспертные ошибки, но встречаются ошибки, связанные с неверным пониманием объекта исследования, когда исследуется не единое коммуникативное событие, состоящее из ряда последовательных разговоров, а каждый разговор автономно. Это не позволяет экспертам провести целостный и системный анализ динамики коммуникации и может привести к неверной интерпретации ее содержания и направленности, а также коммуникативных ролей и намерений участников.

Заключение

Зафиксированные в соответствии с требованиями закона оперативно-розыскные мероприятия могут иметь правовое значение и использоваться при уголовно-правовом доказывании. Результаты аудио- и видеофиксации различных ОРД (эксперимента, внедрения, наблюдения и др.) можно

анализировать и исследовать, в том числе с помощью специальных психологических и лингвистических знаний.

Обобщение экспертной практики по делам о преступлениях коррупционной направленности позволило выявить ряд организационных и методических аспектов их судебно-экспертного исследования, а также типичные ошибки, допускаемые судебными экспертами. Например, выход за пределы компетенции при решении вопросов, предполагающих установление содержания сознания участников коммуникации, или квалификации оказываемого психологического воздействия как противоправного. К числу грубых экспертных ошибок отно-

сится опора эксперта на материалы дела, что приводит к зависимости результатов экспертизы не от полученных при исследовании объекта данных, а от содержания материалов дела, еще не получивших окончательной правовой оценки по совокупности всех доказательств.

В экспертной практике при анализе речи участников спорной коммуникации, зафиксированной в аудио- и видеоматериалах, выступающих в качестве вещественных доказательств по делам о преступлениях коррупционной направленности, представляется перспективным использование методов вероятностно-статистической интерпретации результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Секераж Т.Н. Современные возможности судебно-психологической и комплексной экспертизы при исследовании видеозаписей процессуальных и непроцессуальных действий // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 100–113. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-100-113>
2. Плотникова А.М., Кузнецов В.О., Саженин И.И., Акуленко Е.В., Бойцов А.А., Губаренкова Е.О., Крюк Е.К., Кумкова Т.Н., Портнова В.Б., Чумакова Е.Н. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе. Методическое пособие / Под ред. С.А. Смирновой. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.
3. Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М.: МГУ, 2002. 751 с.
4. Назарова Т.В., Гримайло Е.А., Мамаев Н.Ю., Коршиков А.П., Ростовская А.В. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов / Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1 / Под ред. Ю.М. Дильдина, В.В. Мартынова. М.: Интеркрим-пресс, 2010. С. 243–292.
5. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
6. Секераж Т.Н. Судебно-психологические аспекты понятия «провокация» в уголовном процессе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 19–33. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-19-33>
7. Кузнецов В.О. «Провокация» как экспертное понятие в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 6–18. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-6-18>

REFERENCES

1. Sekerazh T.N. Current Capacities of Forensic Psychological and Comprehensive Analysis When Examining Footage of Procedural and Non-Procedural Actions. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 100–113. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-100-113>
2. Plotnikova A.M., Kuznetsov V.O., Sazhenin I.I., Akulenko E.V., Boitsov A.A., Gubarenkova E.O., Kryuk E.K., Kumkova T.N., Portnova V.B., Chumakova E.N. In: Smirnova S.A. (Ed.) *Semantic Analysis in Forensic Linguistics. Methodical Guide*. Moscow: RFCFS, 2018. 136 p. (In Russ.).
3. Bezyaeva M.G. *Semantics of the Communicative Level of the Sounding Language. The Expression of the Speaker's Will and Desire in the Russian Dialogue*. Moscow: MGU, 2002. 751 p. (In Russ.).
4. Nazarova T.V., Grimailo E.A., Mamaev N.Yu., Korshikov A.P., Rostovskaya A.V. In: Dil'din Yu.M., Martynov V.V. (Eds). *Standard Expert Techniques for the Study of Physical Evidence. Part 1*. Moscow: Interkrim-press, 2010. P. 243–292. (In Russ.).
5. Kuznetsov S.A. (Ed.) *The Great Defining Dictionary of the Russian Language*. Saint Petersburg: Norint, 2000. 1536 p. (In Russ.).
6. Sekerazh T.N. Forensic Psychological Aspects of the Term “Provocation” in Criminal Proceedings. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 19–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-19-33>
7. Kuznetsov V.O. “Provocation” as an Expert Term in Forensic Linguistics. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 6–18. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-6-18>

8. Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А. *Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования*. М.: Ин-т психологии РАН, 2017. 151 с.
9. Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. М.: Ин-т психологии РАН, 2012. 368 с.
10. Wooffitt R. *Conversation Analysis and Discourse Analysis. A Comparative and Critical Introduction*. London: SAGE Publication, 2005. 245 p.
11. Parker I. *Critical Discursive Psychology*. London: Palgrave Macmillan, 2015. 303 p. <https://doi.org/10.1057/9781137505279>
12. Сборник примеров заключений эксперта по результатам психологической экспертизы информационных материалов и психолого-лингвистической экспертизы. Практическое пособие для экспертов / Под ред. Т.Н. Сераж, В.О. Кузнецова. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2020. 516 с. <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-207-5-2020-6>
13. Сафуанов Ф.С., Калашникова А.С. Методические основы производства заочных и посмертных судебных психологических экспертиз в гражданском процессе (по материалам дела). Методические рекомендации. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. 61 с.
14. Градусова О.Б., Кузьмин С.А. К вопросу о вероятностно-статистической интерпретации результатов судебно-экспертных исследований // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 4. С. 27–33. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-4-6-11>
15. Белоусов К.И. Стратегии структурирования тематического пространства текста // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 15–25.
16. Белоусов К.И. Экспериментальная лингвистика и сетевая наука // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. № 2. С. 21–31.
17. Судебная лингвистическая экспертиза диалогической речи. Учебно-методическое пособие / Под ред. С.А. Смирновой, В.О. Кузнецова, А.М. Плотниковой. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2020. 120 с. <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-215-0-2020-10>
18. Доценко Е.Л. Манипуляция: феномены, механизмы и защита. М.: Речь, 2003. 304 с.
19. Кабаченко Т.С. Методы психологического воздействия. М.: Педагогическое общество России, 2000. 539 с.
20. Латынов В.В. Психология коммуникативного воздействия. М.: Ин-т психологии РАН, 2013. 368 с.
21. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / Под ред. А.С. Маркосян, Д.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина. М.: Смысл, 2008. 271 с.
8. Pavlova N.D., Grebenshchikova T.A. *Introspection: Bases, Procedure, Usage Experience*. Moscow: In-t psikhologii RAN, 2017. 151 p. (In Russ.).
9. Zhuravlev A.L., Pavlova N.D. (Eds.). *Psychological Impact: Mechanisms, Strategies, Coping Capacities*. Moscow: In-t psikhologii RAN, 2012. 368 p. (In Russ.).
10. Wooffitt R. *Conversation Analysis and Discourse Analysis. A Comparative and Critical Introduction*. London: SAGE Publication, 2005. 245 p.
11. Parker I. *Critical Discursive Psychology*. London: Palgrave Macmillan, 2015. 303 p. <https://doi.org/10.1057/9781137505279>
12. Sekerazh T.N., Kuznetsov V.O. (Eds.). *The Compilation of Expert's Conclusions after Results of Psychological Forensic Examination of Informational Materials, Psychological and Linguistic Forensic Examination. Practical Guide for Experts*. Moscow: RFCFS, 2020. 516 p. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-207-5-2020-6>
13. Safuanov F.S., Kalashnikova A.S. *Methodological Bases for the Conduct of Forensic Psychological Evaluations in Absentia and Post-Mortem in Civil Proceedings (Based on Case File). Methodological Recommendations*. Moscow: RFCFS, 2011. 61 p. (In Russ.).
14. Gradusova O.B., Kuz'min S.A. Probability Interpretation of Forensic Evidence. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No. 4. P. 27–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-4-6-11>
15. Belousov K.I. Strategies of Structuring Thematic Space of Text. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2014. No. 4 (28). P. 15–25. (In Russ.).
16. Belousov K.I. Experimental Linguistics and Network Science. *Socio-Psycho-Linguistic Research*. 2014. No. 2. P. 21–31. (In Russ.).
17. Smirnova S.A., Kuznetsov V.O., Plotnikova A.M. (Eds.). *Linguistic Forensic Examination of Dialogic Speech. Teaching Guide*. Moscow: RFCFS, 2020. 120 p. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-215-0-2020-10>
18. Dotsenko E.L. *Manipulation: Phenomena, Mechanisms and Resistance*. Moscow: Rech', 2003. 304 p. (In Russ.).
19. Kabachenko T.S. *Methods of Psychological Impact*. Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii, 2000. 539 p. (In Russ.).
20. Latynov V.V. *Psychology of Communicative Impact*. Moscow: In-t psikhologii RAN, 2013. 368 p. (In Russ.).
21. Markosyan A.S., Leont'ev D.A., Sorokin Yu.A. (Eds.). *Applied Psycholinguistics of Speech and Mass Communication*. Moscow: Smysl, 2008. 271 p. (In Russ.).

22. Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. Монография. СПб.: Роза мира, 2008. 268 с.

22. Stepanov V.N. *Provoking in Social and Mass Communication. Monograph.* Saint Petersburg: Roza mira, 2008. 268 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Секераж Татьяна Николаевна – к. юр. н., доцент, заведующий лабораторией судебной психологической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sekerazh Tat'yana Nikolaevna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Forensic Psychology, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

Статья поступила: 11.03.2021
После доработки: 21.04.2020
Принята к печати: 20.05.2021

Received: March 11, 2021
Revised: April 21, 2021
Accepted: May 20, 2021